

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Беркутов С.М. Итальянские городские коммуны и Великий Новгород: особенности политического устройства и закономерности эволюции республиканизма // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.73782 EDN: EGQVYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73782

Итальянские городские коммуны и Великий Новгород: особенности политического устройства и закономерности эволюции республиканизма

Беркутов Степан Максимович

аспирант; Институт российской истории; Российская академия наук

117041, Россия, г. Москва, ул. Адмирала Лазарева, 63 к. 3, кв. 62

✉ berkstep@gmail.com

[Статья из рубрики "Сравнительно-исторические исследования"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.73782

EDN:

EGQVYU

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2025

Аннотация: Статья посвящена выявлению общих закономерностей развития политического строя в городах-государствах средневековой Италии и Великом Новгороде. Одновременно с Новгородской республикой, существовавшей в XII – XV вв., в Северной Италии, почти в тех же хронологических рамках (с конца XI в. примерно по середину XV в.) процветали торговые города-государства. К ним относились не только всем известные Венеция или Генуя, но еще и сотни больших и малых республик, история которых демонстрирует схожие процессы, что и развивавшийся за сотни километров от них Великий Новгород. На основе конкретного исторического материала рассматривается эволюция этих республик и проводится сравнение с примером русского вечевого строя. Используемый метод сравнительно-исторического анализа на широком историческом материале позволяет делать выводы об общих закономерностях эволюции рассматриваемых политий. Впервые в историографии данной проблемы метод сравнительного анализа применяется по отношению к материалу широкого охвата, то есть Великий Новгород сравнивается не исключительно с Венецией, или какой-либо

другой одной итальянской республикой, а сразу со многими из них, что позволяет широко взглянуть на картину и выявить закономерности политического развития, понять настоящее место Новгородской республики в общеевропейской и общемировой истории. Рассмотрев историю политической эволюции Новгородской республики и значительного числа городов-государств севера Средневековой Италии, делается вывод об идентичном характере изменений в устройстве власти итальянских и русских республик, на основе чего утверждается общность эволюционного пути средневекового республиканизма. Многочисленные отличия в политическом строе итальянских городов-государств и Великого Новгорода, не позволяют судить об отсталости или о любых других "дефектах" новгородской политики.

Ключевые слова:

Новгород, политический строй, Италия, Средневековье, коммуны, города-государства, республика, средневековый город, вече, демократия

Явления республиканизма и демократии в Средние века, как известно, были редкостью. Однако существовали счастливые исключения. Самые яркие из них — это города-государства северной Италии и Новгородская республика. Насколько они были похожи и чем отличались? Что может дать нам сравнение политического устройства таких далеких культурно и географически, но близких по устройству власти государств? Ответы на эти вопросы помогут в понимании такого интересного общемирового феномена, как республиканизм и демократия.

Тема сравнения Новгородской республики с итальянскими городами-государствами обладает богатой, но сравнительно молодой историографией. В то время как дореволюционные авторы обращали внимание по большей части на сходство с древнегреческим полисом [\[34, с. 82; 35, с. 19. 36, с. 162; 37, с. 161; 38, с. 325\]](#), тема сравнения именно с итальянскими городскими коммунами нашла свое идейное воплощение в послевоенном СССР, когда концепция формационного подхода окончательно устоялась, и в рамках нее советские историки начали искать параллели новгородскому политическому устройству в западноевропейских феодальных обществах, находящихся, по их мнению, в той же социально-экономической формации [\[39, с. 100-102\]](#).

Одним из первых сходство заметил М. Н. Тихомиров, считавший, что в XII в. на Руси шла масштабная борьба горожан за свои привелегии, которая, несмотря на слабое отражение в источниках, напоминала борьбу «горожан Западной Европы за образование городских коммун». При этом, коммунальный строй установился только в Новгороде, Пскове и Новгороде «да и то в весьма своеобразном виде» [\[1, с. 186\]](#). Б.А. Рыбаков считал Флоренцию наиболее близкой аналогией новгородскому государственному строю из-за внутренней борьбы «феодальных партий», а затем «бедных горожан с ростовщиками и патрициями» [\[32, с. 546\]](#).

После развала Советского Союза тема стала особенно популярна, и ей начали посвящать специальные статьи и разделы в монографиях. Так О.В. Мартышин в своей книге «Вольный Новгород», отметил значительное сходство Новгорода с итальянскими республиками, заключавшееся в наличии обширной подчиненной округи. Отличия автор видел в том, что борьба бюргерства с аристократическим элементом, наблюдаемая в Италии, якобы, была не характерна для Новгорода. В то время как в Италии народ

боролся против аристократии, в Новгороде «народные массы», якобы, «шли за своими боярами против чужих» - факт противоречащий многим дошедшим до нас летописным свидетельствам. Верно указав на наличие «круговорота политических форм», а именно сменяемость аристократии, демократии, тирании и наконец монархии, О.В. Мартышин ошибся, посчитав что в Новгороде сменяемости политических режимов никогда не было, а вся его политическая структура оставалась неизменной [\[4, с. 53-57\]](#).

В.Л. Янин считал, что в Новгороде существовал «коллегияльный орган» имевший параллели с венецианским сенатом, что обосновывалось через сходство одного сюжета новгородских и венецианских монет [\[2, с. 388-389; 3, с. 353-354.\]](#).

Л. Штайндорф, поставив задачей определить являлся ли Новгород коммуной, приходит к однозначно отрицательному ответу. Новгород не являлся, по его мнению, коммуной, поскольку у него, в отличие от итальянских коммун, не было: 1) названия, 2) совета, 3) особого городского права, 4) разницы между гражданами и жителями [\[5, с.239\]](#). Выводы Л. Штайндорфа очень интересны, однако факт того, что Новгород не был итальянской коммуной вполне очевиден. Более актуальным видится вопрос насколько Новгород походил на итальянскую коммуну и чем от нее отличался.

А.А. Вовин посвятил сравнению Пскова и Новгорода с городами-государствами Италии целую главу своей монографии «Городская коммуна средневекового Пскова XIV – начало XVI в.». По его мнению, итальянские города-государства прошли стадии «первой» и «второй коммуны». На этапе «первой коммуны» было сильно народное собрание, на второй — народное собрание ушло на второй план и власть в городе оказалась в руках узкого олигархического совета. Псков всю историю находился на этапе «первой коммуны», поскольку в нем на протяжении всех веков существования так и не развился олигархический совет, а власть принадлежала исключительно народному собранию. Поэтому, по мнению исследователя, Псков правильно считать «слабой коммуной». [\[6, с. 368 – 385\]](#). Предпосылка относительно Пскова верна: действительно, городом на протяжении всей истории правило народное собрание, псковское вече. Предпосылка же относительно итальянских коммун ложна, что и предопределило ошибочность всей концепции. В Италии никогда не было «первой» и «второй» коммун. Первый этап развития итальянских коммун называют стадией консульской коммуны, «*comune consulare*». Уже на этом этапе народное собрание не играло почти никакой роли. Все властные функции выполнялись консулами. На втором этапе подestatной коммуны, «*comune podestarile*», власть перешла к приглашенному чиновнику — подесте и совету из местных представителей, избравшихся по тому же принципу, что и консулы. На третьем этапе, «*comuna popolare*», власть перешла к советам, избравшимся представителями народа. Ни на одном этапе городом не правила олигархия, и ни на одном этапе им не правило народное собрание. Псков не может называться «слабой коммуной», поскольку ни на одном историческом этапе своего существования он не проходил этапы эволюции, свойственные исключительно итальянским коммунам.

П.В. Лукин поставив вопрос «можно ли осмыслять политический строй Великого Новгорода в общеевропейском контексте и, конкретно, как вариант европейского коммунального (республиканского) городского строя?» [\[7, с.14\]](#). Приходит к выводу, что сравнение это «небесполезно» поскольку поможет «увидеть по-новому те явления и процессы, которым либо не уделялось достаточно внимания, ..., либо они получали, ..., превратное истолкование». Отличия Венеции и Новгорода заключались же в том, что Новгород был демократичнее Венеции. [\[7, с.242 – 243\]](#).

Вся предыдущая историография, таким образом, в целом, воздерживалась от конкретного рассмотрения итальянских городов-государств и сравнения их с политической структурой Новгорода. Выводы эти часто носили умозрительный характер и редко опирались на конкретно-исторический итальянский материал. Исключение составляет работа П.В. Лукина, который впервые использовал значительную итальянскую историографию и источники. Однако выводы его касались только одного итальянского государства - Венеции – в то время как остальные сотни коммун остались без внимания. Настоящая статья ставит целью выяснить какова была политическая структура других итальянских городов-государств, как проходила их политическая эволюция, и насколько их политическая структура была близка структуре и эволюции власти Великого Новгорода. Крайняя заинтересованность современной историографии этим вопросом и накопившаяся дискуссия делают тему особенно актуальной. Для выполнения поставленной задачи видится необходимым использование метода широкого исторического сравнения, то есть проведения параллелей не с одной коммуной северной Италии, а сразу со многими в рамках репрезентативной выборки и с использованием обобщающих работ итальянских историков. Только такой широкий взгляд поможет увидеть общую картину и подготовит почву для создания классификации типов средневекового республиканского строя. Наиболее репрезентативными источниками для выполнения поставленной задачи являются новгородские летописи, итальянские анналы и хроники разных городов-государств.

Итальянская историография, в целом, сходится на том, что политический строй коммун прошел несколько этапов:

- 1) консульская коммуна (кон. XI – кон. XII в.);
- 2) коммуна подесты (кон. XII – сер. XIII в.);
- 3) народная коммуна (сер. XIII – сер. XIV в.).

На каждом из них структура власти отличалась, однако общим было наличие некоего коллектива граждан, путем выборов осуществлявшего избрание своих представителей, которые, в свою очередь, управляли республикой.

На первом этапе (конец XI — вторая половина XII в.) такими представителями были консулы. Их выборы проходили чаще всего раз в год, иногда раз в 6 месяцев или раз в 4–6 лет. Короткий срок правления компенсировался возможностью многократного переизбрания. Например, Каффаро, автор генуэзских анналов, был консулом 7 раз: в 1122, 1125, 1127, 1141, 1144, 1146, 1149 гг. [\[8, с. 17, 22, 23, 30, 32, 33, 36\]](#). Количество консулов не было фиксировано. Так, в 1130 г. в Милане избрали 23 консула, в 1138 г. — 4, в 1140 г. — 8 и т. д. В некоторых городах консулы делились на «*consules de communi*», занимавшихся политическими вопросами, и «*consules de placitis*», ответственных за суд [\[9, с. 33\]](#). Понять, как осуществлялась процедура выборов, достаточно сложно, потому что она скрывается под смутными летописными фразами, такими как «*In... anno fuerunt consules...*». Большинство имеющихся свидетельств не вдаётся в подробности процедуры выборов, однако имеющиеся источники позволяют считать, что так или иначе консулов избирало собрание граждан. Например, в Генуе консулы избирались «сообща на собрании» [\[10, с. 351\]](#), в Венеции «народ» избирал дожа «на площади» [\[11, с. 58, 60, 62, 63\]](#). Бывали и не прямые выборы, как, например, в Пистойе, где горожане выкрикивали имена пяти выборщиков, приносивших в свою очередь клятву выбрать в консулы мужей, отвечавших интересу народа Пистойи [\[9, с. 34–35\]](#).

Раз избранные консулы получали абсолютную власть над городом и его вооруженными силами. Например, генуэзские консулы распоряжались вопросами войны и мира [\[8, с. 23, 42, 61\]](#), руководили войсками [\[8, с. 10-13, 22, 26, 27, 33, 34\]](#), вели переговоры с другими государствами, отправляли и принимали посольства и вообще курировали все внешние сношения [\[8, с. 29, 31-33, 38-39, 42-44, 46, 48-51, 60-63, 65, 66, 157\]](#), распоряжались финансами [\[8, с. 30, 38, 41, 60\]](#), строительством [\[8, с. 48, 62-63\]](#), управляли округой [\[8, с. 30, 40-41, 157\]](#), ведали судом [\[8, с. 74\]](#).

Такая же картина наблюдалась в большинстве консульских коммун [\[9, с. 34\]](#). В Венеции, где консулов не было, аналогичная власть находилась у дожа. Он решал, начинать ли войну или заключать мир [\[12, с. 2-16; 13, с. 90; 14, с. 55-57\]](#), руководил войсками [\[12, с. 56, 58, 61, 62; 14, с. 14, 18.\]](#), ведал внешней политикой [\[12, с. 56, 61; 11, с. 4, 10, 16, 18, 20, 24-26, 28, 34-36, 40, 44\]](#), финансами [\[12, с. 59\]](#), управлением округой [\[12, с. 60-62.; 11, с. 18.\]](#).

Какова же была роль народного собрания, избиравшего консулов? Роль его сводилась, по сути, лишь к аккламации принятых консулами решений [\[15, с. 49-50\]](#). Те редкие упоминания о народном собрании, которые имеются в источниках, как правило, однотипны. У консулов возникала необходимость подтвердить свое решение на народном собрании, звоном колокола или каким-либо иным способом народ созывался, решение ему зачитывалось, народ кричал «Fiat! Fiat!» [\[16, с. 61\]](#) и расходился. Иногда народ собирали для сообщения ему какой-либо радостной вести. В таком случае последний выражал ликование.

Пассивная роль народного собрания проявилась и в 1161 г. в Пизе, когда вассалы графа Ильдебранта захватили несколько пизанских кораблей с зерном. «Консулы и весь народ» по этому поводу «погрузились в великую печаль», утолить которую консул Кочче решил «уничтожением и опустошением» земли графа, для чего приказал собрать огромное войско «конное, пешее и лучников», а также «галеи с лучниками, ручными требушетами и камнеметами». Закономерно, граф Ильдебрант скоро появился в Пизе, где на народном собрании («public parlamento») обратился к пизанцам с оправдательной речью и клятвой в верности пизанскому народу, после чего консулы заключили с ним мир и провели обряд инвеституры. В верности клялись также все подданные графа, все крепости на его земле разрушались [\[17, с. 21, 25\]](#). В этом случае, как видно, отправляться в поход отдал приказ консул, мир заключил также консул, народ лишь являлся молчаливым свидетелем всему. Тем не менее, бывали случаи и чисто народной инициативы. Так, например, в 1162 г. пизанцы разгромили генуэзский квартал в Константинополе, товары разграбили, а многих купцов убили. Те, кто успел убежать, вернувшись в Геную, в ярких красках описали произошедшее. Генуэзцы тут же снарядили 12 галей, «без приказа консулов», которые опомнились лишь спустя какое-то время и взяли «дело» в свои руки [\[8, с. 68-69\]](#).

Само народное собрание не являлось «народным» в современном понимании этого слова. Политические права, т. е. право участия в народном собрании, на этом этапе было у представителей семей-основательниц коммун, землевладельцев, купцов и богатых ремесленников. В нем участвовали как представители аристократического, так и неаристократического элемента. Однако этот «неаристократический элемент» по сути занятий порой мало отличался от аристократического: он также состоял из землевладельцев, занимавшихся торговлей, ростовщичеством, ремесленным производством. Стереотип о том, что горожане были торговцами, в отличие от

аристократов-рыцарей, идет из XIX в., и в настоящее время переосмыслен в исторической науке [\[16, с. 165\]](#). Отличие «народа», «простолудинов» («populorum», «popolani») от аристократии на этом этапе заключалось порой лишь в отсутствии титулов, т. е. принадлежности к этому сословию [\[16, с. 182-183\]](#).

Несмотря на богатство неаристократического элемента знатные («milites»), составлявшие в лучшем случае 10% населения города, чаще всего доминировали в его политической жизни [\[18, с. 3-4\]](#). Тем не менее, бывало, что консулы избирались и из незнатных. Например, Оттон Фрейзенский говорил, что консулы происходили из трех классов общества: «capitanei, valvassores, populi» [\[9, с. 33-34\]](#).

Политическое право эпохи средневековья — это право сильного. Князья и правители средневековья сами вели свое войско на врагов и нередко погибали в битве. Народное собрание, являвшееся коммуной, одновременно составляло ее войско [\[18, с. 9\]](#). у вооруженных людей всегда есть соблазн использовать это оружие против своих недругов, а где их легче найти, как ни в своем собственном городе? Поэтому внутригородская жизнь не отличалась стабильностью. За избрание «нужных» консулов шла постоянная вооруженная борьба между влиятельными семьями и кланами. Уличные бои требовали уличных укреплений. Для удобства обстрела соседних улиц домовладельцы строили высокие башни (от высоты которых зависело преимущество не только над соседними улицами, но и над башнями поменьше), которые росли с такой скоростью, что консулам приходилось вводить специальные статуты, ограничивавшие их высоту. Для штурма башен употреблялись камнеметные орудия [\[16, с. 175-178\]](#). Консульская власть, сильная и не вызывающая пререканий, во время внутримэнагнатских разборок всегда куда-то улетучивалась. Например, в Генуе один из могущественных аристократов, Орландо Аввокато, согласился прекратить братоубийственные склоки только после того, как его «умоляли в слезах» на парламенте «архиепископ, священство, консулы и весь народ», и только «тронутый мольбами и слезами» он согласился и поклялся сохранять мир [\[19, с. 41\]](#).

Постоянные конфликты внутри коммуны требовали решения. И оно было найдено. Вот что писал об этом автор генуэзских анналов за 1190 г.: «из-за взаимной ненависти многих мужей, очень хотевших занимать должность консулов коммуны, гражданские раздоры, злостные заговоры и фракции захватили город. Это побудило мудрецов и советников города (т. е. Совет — С. Б.) встретиться и решить, что консулат коммуны со следующего года должен завершиться, и почти все они согласились, что городу необходим подеста» [\[16, с. 66\]](#). Так начался второй этап — этап подестарной коммуны (конец XII — середина XIII вв.) [\[15, с. 61\]](#). Подеста (с лат. potestas — власть) был приглашенным чиновником из другой земли, который очень часто по совместительству был крупным феодалом (в 1169 г. подеста Вероны был граф Сан-Бонифачио, а почти все подесты Мантуи — магнатами из городской округи). Подеста избирался на год или на полгода, и постепенно полностью заменил собой консулов. Его должность начала вводиться в разных городах со второй половины XII в., пока к первому десятилетию XIII в. власть подесты в североитальянских коммунах стала скорее правилом, чем исключением [\[16, с. 68\]](#).

Но как доверить всю власть над городом человеку чужому, почти иностранцу? Выход был найден и из этого положения. Подеста ставился под полный контроль совета — органа, появившегося со второй половины XII в. и ознаменовавшего крупнейшую трансформацию за всю историю средневекового республиканизма. Теперь представителями коммуны с абсолютной властью были не консулы, а члены совета.

Совет делился на Большой и Малый. Численность Малого Совета варьировалась от нескольких десятков до нескольких сотен, Большого — от нескольких сотен до нескольких тысяч, что уже могло соответствовать всему гражданскому коллективу коммуны, но такое случалось редко [\[18, с. 67–73\]](#). Избирали членов Совета точно так же, как и консулов, по районам или от обществ, в зависимости от политической структуры каждой отдельной коммуны. С установлением власти совета социально-политическая ситуация глобально не поменялась, власть осталась в руках класса рыцарей, *milites*. Поэтому первые задокументированные выборы в совет коммуны, произошедшие 1164 г. в Пизе, дали власть «сенаторам», т. е. представителям аристократических фамилий города, и 24-м кандидатам, избранным по 6 от каждого из 4 районов города [\[9, с. 35; 15, с. 50\]](#).

Имеющиеся данные по совету Милана в пер. пол. XIII в. рисуют схожую картину: половина совета состояла из «*valvassores*» и «*capitanei*», т. е. аристократии, а другая — из представителей городских организаций «*della Motta*» и «*della Credenza di Sant’Ambrogio*», которые, в свою очередь, состояли из *milites* (рыцарей), купцов и богатых ремесленников [\[18, с. 26\]](#). Выходит, Совет состоял больше чем на половину из наследственных землевладельцев. Ситуация других коммун мало чем отличалась. В Венеции, в свою очередь, *consilio* стал чисто олигархическим институтом, без каких-либо процедур выборов народным собранием [\[9, с. 76–78\]](#).

Как XII век — время абсолютной власти консулов, так и век XIII — эпоха Совета. Он, вместе с подестой, занимался всеми политическими вопросами. Характерен случай, произошедший в Орвието. В 1232 г. эту небольшую коммуну посетил папский легат, с целью побудить ее жителей заключить мир с враждебной Сиеной. Обсуждение вопроса в совете не привело к нужному курьезному результату. Тогда посол ухватился за формуляр папского послания — в нем было написано, что оно адресовано «подесте, совету и всему народу Орвието». «Почему бы тогда не зачитать послание перед всем народом Орвието, на площади? Он и решит, как следует поступить». Расчет был на то, что народное собрание, состоявшее в том числе из простого народа, благоговевшего перед авторитетом Папы Римского, примет нужное для престола решение. Однако подеста дал такой ответ: «В этом нет необходимости, поскольку собранный совет, состоящий из большой и малой ассамблей, представляет интересы всего народа; здесь присутствуют все представители ремесленников и главы различных районов, управляющие городом; все что они решат, считается утвержденным и действительным: все что вы говорите нам, вы говорите всему народу, и все что мы отвечаем вам по этому поводу, мы отвечаем от имени всего народа». Всё присутствующее собрание подтвердило слова подесты [\[18, с. 33–34\]](#).

Как упоминалось выше, большинство в совете коммуны принадлежало аристократическому элементу, тогда как народ, составляя меньшинство, не мог существенно влиять на политику республики. Однако постепенно народ становился все многочисленнее, богаче и влиятельнее, он не мог больше мириться со своей ущемленной ролью и приступил к завоеванию себе политических прав. Очень часто «завоевание» принимало вид настоящей революции. В Болонье в 1228 г. представитель старой знатной семьи, занимавшейся торговлей и от того сближенной по положению с пополами, вместе с группой своих сторонников пришел к подесте с предложением провести заседание большого совета для обсуждения некоторых ремесленных вопросов. Подеста отказался. В ответ началось крупное восстание, во время которого «была разорена казна, перевернуты скамьи в зале заседаний, кодексы статута и реестры

приговоров были разорваны или сожжены». Результатом стало появление в Совете представителей от ремесленных гильдий города [\[16, с. 182-183\]](#). За Болоньей последовали другие коммуны. Например, народ Модены получил свое представительство в совете в 1229 г., в Прато — в 1246 г. [\[18, с. 35-36\]](#).

Но структура совета, в которой были представители как аристократии, так и народа, не существовала повсеместно. Где-то народ «увлекался» и уничтожал аристократию «как класс». Так, в Пьяченце в 1250 г. народ, недовольный политикой подесты, собрался и избрал подестой известного человека — Умберто дель Иниквита, при том, что текущий подеста оставался в должности. Таким образом, в городе парадоксально несколько месяцев существовало два подесты: один, «*podesta del comune*», т.е. представитель всей коммуны в аристократическом понимании слова «весь», и второй, «*podesta del popolo*», представлявший соответственно интересы «взбунтовавшегося» народа. Через какое-то время в городе прошли новые выборы, и подестой «всей» коммуны стал Ланфранко Гримальди. Он попытался ликвидировать ситуацию двоевластия, для чего созвал совет коммуны. Совет отказался поддержать его в этом вопросе. Тогда Ланфранко проехал на коне по городу, призывая на помощь народ. Но народ его не понял, и он не стал возвращаться во дворец подесты, а сразу поехал из города прочь. Совет решил избрать на его место Умберто дель Иниквита, лидера народа и народного подесту, который стал лидером коммуны. Все старые рыцарские фамилии покинули город, оставив его целиком и полностью во власти народа [\[18, с. 55-57\]](#).

Мудрость поведения аристократии Пьяченцы становится понятной, если посмотреть, что случилось с их товарищами по классу, которые предпочли остаться в городе, захваченном народом. В «народных» городах против патрицианской элиты, до этого именовавшей народ «собаками и ослиами» [\[19, с. 63\]](#), часто вводились дискриминационные законы, ставившие бывших аристократов фактически на права «лишенцев». Так, в Парме преступления знатных против народа карались в двойном, тройном и даже четверном размерах. Знатный подлежал наказанию, даже если против него не было доказательств, а только «слухи и молва» (*si sola voxet fama fuerit contra talem magnate*). По статутам Модены клятва знатного не имела юридической силы. Во Флоренции в 1281 г. и в Болонье в 1288 г. были составлены списки магнатов, которые должны были внести по 1000 и 2000 лир в качестве залога хорошего поведения в будущем. Во Флоренции, если знатный убивал представителя народа, ганфалоньер — чиновник-судья — был обязан проследить, чтобы дом знатного был разрушен народной пехотой, имущество конфисковано, а он сам приговорен к смерти. Особенной бескомпромиссностью к классовым врагам отличался народ Пармы, который штрафовал даже представителей народа, которые не поддерживали право расправы над магнатом, оскорбившего попола [\[16, с. 193-194\]](#).

Разумеется, аристократы всеми силами сопротивлялись установлению народного режима. Случалось, что рыцари разных коммун помогали друг другу подавлять народные движения в соседних коммунах, оказывая таким образом товарищам по классу «братскую помощь» [\[16, с. 187\]](#). Так, в 1142 г. фавентинцы пришли на помощь рыцарям Чезены, которых народ осадил в городском детинце. Народная пехота была разгромлена, а аристократический режим восстановлен [\[20, с. 32-33\]](#).

Так устанавливались народные режимы, ознаменовавшие новый этап в истории средневекового итальянского республиканизма — народной коммуны (вт. пол. XIII в. — начало XIV в.). Ее политическое устройство в целом копировало структуру подестарной

коммуны, с той разницей, что среди выборщиков и избираемых теперь превалировали представители «народной партии». Аристократия редко полностью теряла свое представительство в городском совете, чаще наблюдалась картина, когда она просто оставалась в меньшинстве. Типичен случай в Тревизо, где в 1259 г. совет состоял из 100 milites и 200 populares [\[18, с. 63\]](#).

Такое положение дел сохранялось в большинстве коммун до наступления нового этапа в их развитии — синьории. Синьория являлась итальянским видом тирании, когда коммунальные власти с соблюдением всей республиканской законности избирали в правители одно лицо, наделяя его авторитарными полномочиями. Органы коммуны, совет и народное собрание, при этом не ликвидировались, а подчинялись синьору. Происходить такой правитель мог как из народной, так и из аристократической среды. Постепенно власть синьора все больше и больше приобретала черты монархии, пока, наконец, все коммунальные органы власти не изживали себя полностью, и синьория не перерождалась в принципат — абсолютную монархию нового времени. Таким образом был положен конец уникальному явлению республиканизма в большинстве земель Северной Италии [\[21, с. 296-301\]](#).

Новгородское политическое устройство прошло два этапа эволюции, плавно перетёкшие один в другой. Первый этап продолжался с начала независимости Новгорода в 1136 г. по первую половину XIV в., второй — с первой половины XIV в. до полной инкорпорации республики в Московское государство в 1478 г.

На первом этапе политическая власть находилась в руках новгородского князя. Для иллюстрации характера княжеской власти хорошо подходят события одного срока правления новгородского князя Мстислава Мстиславича (Удатного) (1210–1215). Находясь в должности, он «ходи ... на Чюдь, рекомую Търму, съ новгородьци» [\[22, с. 52\]](#), приказывал «ставить крепости» [\[23, с. 52\]](#), собирал дань с подвластных народов, в 1214 г. покоренная им Чудь «кланялась» ему и выплатила дань, две трети которой князь отдал новгородцам, треть — своим «дворянам», управлял округой Новгорода, в его задачи входило «блюсти волость» [\[22, с. 52\]](#), вести международные переговоры [\[22, с. 54-55\]](#). Ключевую роль княжеской власти в Новгороде на этом этапе подтверждают и данные археологии. Так, «примерно 400 печатям княжеского круга противостоит 14 епископских булл и около десятка проблематичных посадничьих печатей...» [\[23, с. 128\]](#).

Однако все эти важнейшие политические действия осуществлялись исключительно под полным политическим контролем новгородцев. Любой поход или политическое мероприятие было не приказом князя, а лишь предложением. В 1214 г. Мстислав предложил новгородцам пойти с ним в поход на Чернигов, и новгородцы, собранные на вече, ответили: «камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вержем». Сначала картина выглядит верноподданнически, ее можно было бы наблюдать в любой другой русской земле (хотя необходимости «приглашать» подданных в поход не было ни в одной русской земле, достаточно было просто приказать). Тем не менее, новгородцы в скором времени проявили свою сущность. В Смоленске они увлеклись выяснением отношений с местным населением и «по князя не поидоша». Мстислав созвал новгородцев на вече и попытался уговорить продолжить экспедицию и, получив отказ, продолжил путь только со своими дворянами. Потом, однако, новгородцы передумали, собрались на вече, и после фразы посадника — «Яко, братие, страдали деди и отчи наши за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидим по своему князе» — пошли догонять своего правителя. Экспедиция закончилась успешно, все города были взяты, и

новгородцы возвратились домой «сторови» [\[22, с. 53\]](#).

В более позднее время такое положение княжеской власти подкреплялось договорами, заключаемыми в момент призвания. По ним новгородский князь не мог 1) «посужать», т. е. выдавать «грамот» на владение землей; 2) отнимать собственность «без вины»; 3) новгородскую землю обязывался «держать мужи новгородскими», вместо прямого «держания» князь получал от новгородцев «дар» — зарплату в виде дани с некоторых новгородских территорий [\[24, с. 293-294, 296\]](#); 4) ни князь, ни его княгиня, ни его бояре и дворяне не могли владеть селами в Новгородской земле [\[25, с. 9-13\]](#).

То, что не входило в прерогативу князя, оставалось в ведении местных должностных лиц — посадника и тысяцкого. Механизм избрания и освобождения от полномочий происходил по тому же принципу, что и княжеский. Основная функция посадника была, по всей видимости, налогообложение населения Новгородской земли. Так, в 1209 г. новгородцы собрали вече на посадника Дмитра «и братью его» за то, что они «повелеша на новгородьчих сребро имати, а по волости куры брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и все зло». Дворы братьев Дмитра и Мирошки были разграблены и сожжены, их села и челядь распроданы, а деньги разделены между горожанами каждому по три гривны (для сравнения: три гривны по «Русской Правде» был штраф за кражу морской ладьи) [\[26, с. 113\]](#), богатство было разграблено без учета, от чего «мнози разбогатеша» [\[22, с. 51\]](#).

Любое решение князя принималось только с согласия новгородцев, под их контролем, по их воле, и могло быть отменено в любой момент, даже во время его исполнения. Под контролем новгородцев была не только политическая власть князя, но и срок его правления и его выборы. Князь призывался из другой русской земли (Киевской, Черниговской, Смоленской, Суздальской), в зависимости от ориентации внешней политики новгородцев на данный момент. Срок нахождения князя у власти зависел от настроения новгородцев, а оно менялось быстро. Чаще всего князь правил 1–2 года (бывало меньше), дольше держались лишь самые конъюнктурные (рекордсменом среди них был упомянутый Мстислав Мстиславич, правивший Новгородом в один срок семь лет) [\[27, с. 941-942\]](#). Причину изгнания князя новгородцы иногда указывали, иногда хватало лишь фразы «не люб ты нам». Часто бывало, что князь сам уходил с княжения. Эта слабость и зависимость княжеской власти во многом и привела к трансформации политического устройства Новгорода на втором этапе его развития.

С середины XIII в. ситуация стала меняться. Новгородцы перестали выбирать, из какого княжения придет их следующий князь. Верховным сюзереном Новгорода по умолчанию стал великий князь Владимирский, который начал держать в городе своих наместников. Принцип «вольности во князьях» перестал действовать [\[28, с. 50-52\]](#).

Однако власть наместника стала еще более ограничена. Функции исполнительной власти, до этого находившиеся в руках князя, перешли к местным новгородским должностным лицам: строительство — к архиепископу, сбор дани и суд — к посадникам, военное командование — к воеводам, назначаемым новгородцами на вече непосредственно перед походом. Как и раньше, все эти должности контролировались новгородцами, смещались по их воле и избирались новые.

Именно новгородцы на вече были настоящей политической властью на всех этапах независимого существования Новгорода. Они принимали все важнейшие решения: о начале боевых действий и отправке воинских контингентов [\[22, с. 96-97, 352, 402-403; 29, с.](#)

[2101](#) (в летописи содержатся два известия, когда воинские контингенты отправлялись без согласия новгородцев [\[22, с. 355, 391\]](#)); отправляли и принимали посольства как в другие земли Руси [\[22, с. 96-97, 99, 352, 353, 376\]](#), так и в иные страны [\[22, с. 98, 349-350, 359-360, 393, 404, 418, 419, 421, 422, 425; 30, с. 214\]](#); управляли подвластными территориями [\[22, с. 97, 379-381\]](#). Они же полностью контролировали деятельность новгородских должностных лиц во время исполнения их обязанностей.

Каково же было внутреннее соотношение сил в новгородском политическом организме среди граждан, его составляющих? Почти все упоминания внутренней жизни государства описывают внутригородские конфликты, которые до первой половины XIII в. носили в основном бесклассовый характер. Различные новгородские концы (районы) и группировки воевали друг с другом, «в латах и брнях», чаще всего по вопросу о поддержке того или иного князя, но порой и просто по личным поводам [\[22, с. 258-259\]](#). С первой половины XIII в. ситуация радикально поменялась: конфликты происходили между двумя сословиями республики — боярами, именуемыми также «вятими людьми», и народом, известным также как «черные» или «меньшие» люди или «простая чадь».

Именно в упоминаниях внутригородских конфликтов становится ясной сословно-классовая сущность новгородской государственности XIII-XV вв. При этом ведущую роль во внутривнутриполитических процессах с этого времени играет не боярство, а новгородская «чернь». Она меняла правительства: в 1228 г. «простая чадь» лишила должностей всё руководство новгородской республики. Сначала она выгнала из города архиепископа, потом пошла с вече «во оружии» и разграбила дом тысяцкого «и других бояр», после чего настала очередь князя и посадника: оба были прогнаны, а их сторонники обложены дополнительным налогом. В 1338 г. «простая чадь» арестовала архимандрита Есифа, второго духовного лица после новгородского архиепископа и одновременно настоятеля крупнейшего землевладельца новгородской земли — Юрьева монастыря [\[30, с. 272-273\]](#).

От низшего слоя граждан зависел вопрос войны-мира и отправки воинских контингентов. В 1340 г. новоторжцы попросили помощи против московского князя Семёна (Симеона Ивановича (1340-1353)). Новгородцы согласились, отправив «воевод с полки», которые, придя в Торжок, «поимаша» всех княжеских наместников, что, естественно, означало войну с московским князем. А для этого одного отряда новгородцев было бы недостаточно, поэтому новоторжцы отправили в Новгород новое посольство, с просьбой всего новгородского войска: «что быша новгородцы сели на кони». Но «черные» люди этого «не восхотеша». Война по желанию «черни» могла не состояться [\[22, с. 352-353\]](#).

«Меньшие» люди вели важнейшие переговоры. Так, в 1255 г. они вели переговоры с Александром Невским, пошедшим на Новгород ратью. Во время «встречи» князя, «вятские люди», формировавшие собой конницу, и «меньшие», представлявшие пехоту, построились у разных входов в город отдельно друг от друга. Переговоры вели только «меньшие», а «вятские» в это время сговаривались против «меньших», чтобы их «победить» и «ввести князя на своей воле». Но переворот аристократии не удался. Власть осталась у «меньших», и князь был введен на их воле [\[30, с. 307-308\]](#).

«Чернь» контролировала деятельность бояр и посадников. Ни один боярин, даже самый богатый и влиятельный, не был в безопасности, если он чем-то провинился перед простым народом. Так, в 1344 г. «черные» люди обвинили бояр в убийстве Луки Варфаломеева. Зная, что их может ждать, обвиненным народом на вече на Ярославовом

дворище в убийстве «Андрешко и Федору Даниловым» пришлось бежать из Новгорода. Было создано два отдельных веча на Ярославовом дворище и на Софийской стороне, город разделился на две части, но вскоре конфликт был урегулирован [\[22, с. 355–356\]](#).

Другой пример народного суда произошел в 1418 г., когда один из горожан по имени Степанко приволок на вече боярина Данила Ивановича, за неизвестные прегрешения которого новгородцы избили и сбросили с моста в Волхов. Однако боярин не стерпел обиду: доплыв до берега и собрав свою «челядь», он схватил Степанка и подверг его пыткам. Прослышав об этом, народ вооружился и «в доспесех со стягом» пошел на Даниила Ивановича, разграбил его дом, а заодно и «инех множество», а именно весь «на Яневе улице берег». Степанко был возвращен, однако народ, вошедший в угар, было сложно остановить, разъяренная «аки пьяни» масса «еще много разграбиша домов боярских». Не уцелели и монастырь святого Николы, в котором были «житнице боярские», и Людогоща улица. Знать, закономерно, пыталась сопротивляться, однако остановила народное войско только на Прусской улице, после чего «чернь» вернулась на свою сторону [\[22, с. 409\]](#).

Самая внушительная сила народа была организована в Славенском конце, который дважды выступал один на один против бояр Софийской стороны. Но из-за того, что выступал всего лишь один конец без поддержки другого конца народной, Торговой стороны — Плотницкого — оба выступления закончились не победой, как это было чаще всего в случае совместного выступления народной силы, а всего лишь компромиссом. Вместо старых посадников, не устраивавших славлян, избирались новые, которые подходили обеим сторонам конфликта. В 1359 г. на общегородское вече представители Славенского конца пришли вооруженные до зубов, «побиша» многих бояр, отняли «посадничество» у текущего магистрата и отдали должность своему кандидату. Опять был разобран мост, и две половины города сели в осаде. Во время сидения софийцы грабили села славлян. Противостояние продолжалось некоторое время, пока обе стороны не примирились [\[22, с. 366\]](#). Это — первое свидетельство поражения «черных» людей. Вряд ли можно считать, что поражение однозначное, но «в минусе» оказались в итоге славяне, представители «народного» конца. Тем не менее, они не успокоились и выступили против софийской стороны второй раз в 1384 г., поддержав князя Патрикия Наримановича. Снова два веча, снова вооружились и снова переметали мост. Однако на этот раз обошлось без кровопролития и дошло до компромисса, устроившего обе стороны конфликта [\[22, с. 379\]](#).

Только однажды источники упоминают о карательной акции бояр против народа. Содержится это упоминание уже в Софийской летописи и относится к эпизодам присоединения Новгорода к Москве. Новгородский степенный посадник вместе с боярами «наехали» на улицы Славкову и Микитину (обе в Славенском конце), убили многих людей и разграбили имущества на 1000 рублей. На что и били челом Великому Московскому Князю представители этих двух улиц. Одновременно с ними с похожей жалобой выступили и бояре. Они обвинили старосту Федоровской улицы (в Плотницком конце) за то, что его уличане разграбили боярскую усадьбу на 500 рублей. Крайне показательно, что Великий Московский Князь Иван Васильевич никак не отреагировал на просьбы бояр, в судьбе же пострадавших представителей народа князь принял активное участие, заковав в кандалы и отправив в Москву обидчиков жителей «народных» улиц [\[31, с. 305–306\]](#).

Таким образом, общей во всех рассмотренных случаях являлась внутренняя структура государства. Существовала некая общность горожан, имевшая политические права, она

избирала должностных лиц, осуществлявших управление городом. Отличие итальянских городов-государств от Великого Новгорода заключалось в том, что в Италии правили избранные коллективом граждан магистраты, тогда как на Руси чаще правил сам гражданский коллектив, а магистраты исполняли менее важные государственные функции. Другие многочисленные отличия второстепенны и касаются таких внешних черт, как количество магистратов, сроки их службы, их происхождение (внешнее или из среды горожан) и т.д.

Самая же удивительная общая черта касается не только основы республиканского устройства (гражданского коллектива и избранного им магистратов), но и его эволюции. Как итальянские республики, так и Великий Новгород прошли одни и те же этапы политико-социальной эволюции. Все они начали свою историю под властью монархов и их наместников, затем, после начала освободительного движения — в Италии установились коммуны, а в Новгороде восторжествовал принцип вольности во князьях. Установившаяся республика во всех случаях носила аристократический характер, в Италии в это время правили нобили, а в Новгороде — бояре. Такая аристократическая республика существовала недолго, в Италии с конца XI в. до второй половины XII — первой половины XIII в., в Новгороде — до начала XIII в. По завершении этапа аристократической республики начинался новый процесс освобождения, на этот раз не от наместников великого князя или императора, а от своих собственных аристократов. Этот процесс происходил по всем «правилам» Средневековья, с кровопролитной борьбой, поджогами, настоящими битвами и осадами крепостей. В результате этой борьбы в большинстве республик народ, до этого ограниченный или совсем лишенный прав, вышел на политическую арену и начал оказывать влияние на жизнь города. Технически этот процесс также был аналогичным. Народ и на Руси, и в Италии создавал свои органы власти, копируя органы власти аристократии, но носившие теперь исключительно народный характер. Так, в Италии народ параллельно существовавшим аристократическим советам создавал советы народные, в Новгороде же народ созывал свое, отдельное от боярского, народное вече — на Торговой стороне, на Ярославовом дворище. Далее судьба новообразовавшихся народных органов власти разнилась в зависимости от исторической ситуации каждого отдельного города: где-то происходила «контрреволюция», аристократы подавляли народное движение, уничтожали народные советы и приводили народ к покорности; где-то народные советы получали такие же права, как и советы коммунальные и образовывались совместные аристократическо-народные советы. В таких советах ситуация разнилась от коммуны к коммуне: где-то преобладали аристократы, где-то народ. И, наконец, третий вариант — полная победа народа, уничтожение аристократических советов, изгнание нобилитета из города и установление чисто народной коммуны. Идеальным примером первого варианта аристократического города-республики была Венеция, здесь народ даже не успел организовать свои органы власти, аристократия прочно захватила власть и крепко удерживала ее в своих руках вплоть до ликвидации республики. Большинство итальянских коммун пошли по пути совмещения власти аристократии и народа. По третьему пути, полному уничтожению аристократии как класса, пошли такие коммуны, как Флоренция, Пьяченца, Парма.

В рамках этой классификации Новгород относился ко второму, переходному, типу. Здесь, как и в большинстве итальянских городов-государств, две социальные группы — народ и аристократия — делили между собой власть, и ни одна сила не смогла, в конечном итоге, взять верх. Именно поэтому Великий Новгород правильно считать принадлежавшим к распространенному в средневековой Италии типу народно-аристократической

республики.

Библиография

1. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Гос. изд-во пол. лит., 1956. – 480 с.
2. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. – 400 с.
3. Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянских культур, 2003. – 512 с.
4. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Российское право, 1992. – 384 с.
5. Штайндорф Л. Правильно считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог: Материалы круглого стола. СПб., 2012. – 302 с.
6. Вовин А.А. Городская коммуна средневекового Пскова. СПб.: ЕУСПб, 2019. – 398 с.
7. Лукин П.В. Новгород и Венеция. Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб.: Издательство Европейского Университета, 2022. – 302 с.
8. Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall'Istituto storico italiano. Roma, 1887-1993. Vol. 11. – P. 17-157.
9. Occhipinti E. L'Italia dei comuni. Secoli XI-XIII. Roma: Carocci editore, 2008. – 160 p.
10. "Publici in parlamentum electi". Codice diplomatico della Repubblica di Genova dal 958 al 1163 / a cura di C. Imperiale di Sant' Angelo. Roma, 1936. Vol. I. – P. 351.
11. Cronica di Venexia, detta di Enrico Dandolo / a cura di R. Pesce. Venezia, 2010. – P. 4-44.
12. Historia ducum venetorum // Testi storici veneziani (XI-XIII secolo) ed. e trad. a cura di L.A. Berto. Padova, 1999. – P. 2-62.
13. Annales venetici breves XIII c. // Testi storici veneziani (XI-XII secolo) / ed. e trad. a cura di L.A. Berto. Padova, 1999. – P. 90.
14. Milani G. I comuni italiani. Secoli XII – XIV. Roma: Laterza, 2008. – 210 p.
15. Waley D. The Italian City-Republics. London: McGraw-Hill, 1969. – 256 p.
16. Rerum italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinquecento ordinata da L. Muratori. T. VI-Parte II. Gli annales Pisani di Bernardo Maragone. Bologna: Nicola Zanichelli, 1904. – P. 61-187.
17. Tanzini L. A consiglio. La vita politica nell'Italia dei comuni. Roma: Laterza, 2014. – 248 p.
18. Dovanver F. Storia di Genova. Genova: Talozzi editore, 1967. – 222 p.
19. Clarke M. The medieval city-state. New York: Barnes & Noble, 1966. – 220 p.
20. Rerum italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinquecento ordinata da L. Muratori. Tomo ventottesimo. Cronicon Faventinum. Bologna: Nicola Zanichelli, 1924. – P. 32-33.
21. История Италии. Т. 1. М.: Наука, 1970. – С. 296-301.
22. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1950. – 640 с.
23. Петров А.В. К изучению отношений с князьями и внутренней борьбы в Новгороде второй половины XIII в. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Номер 3. СПб., 1995. – С. 52-128. EDN: VNJBTV
24. Фролов А.А. "Бежецкий ряд" и "Обонежский ряд" в системе отношений князей и Новгорода XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVII. М., 2015. – С. 293-298.
25. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: 1949. – 408 с.
26. Правда Русская. Том I. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1940. – С. 113.
27. Древняя Русь в Средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. – 992 с.

28. Горский А.А. Князья и княгини русского Русского Средневековья. М.: Наука, 2024. – 199 с.
29. Полное собрание русских летописей. Том 16. М.: Языки русской культуры, 2000. – 240 с.
30. Полное собрание русских летописей. Том 3. М.: Языки русской культуры, 2000. – 692 с.
31. Полное собрание русских летописей. Том 25. М.: Языки русской культуры, 2004. – 463 с.
32. Полное собрание русских летописей. Том 5. М.: Языки русской культуры, 2003. – 146 с.
33. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М.: Наука, 1982. – 590 с.
34. Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и судьбы восточного славянства. М.: Наука, 1982. – 264 с.
35. Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга II. Тома V-VIII. М.: Книга, 1989. – 572 с.
36. Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Книга V. Том XII. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. – 828 с.
37. Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.: Типография К. Замысловского, 1873. – 344 с.
38. Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Часть II. Удельная Русь. М.: Издание И.К. Шамова, 1905. – 173 с.
39. Кареев Н.И. Государство-город античного мира. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. – 362 с.
40. Лукин П.В. Новгородское вече: старые концепции и новые данные. // Исторический вестник. Начало русской государственности. Том I. Под общей редакцией А.А. Горского. М., 2012. – 184 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Итальянские коммуны и русские города-государства: особенности политического устройства и закономерности эволюции республиканизма» продолжает довольно устоявшую традицию сравнений политического устройства итальянских коммун средневековья с Новгородской и Псковской республиками. Автор упоминает о множестве исследований данной тематике, но в качестве исходной точки выбирает почему только работы Вовина и Лукина, причем эти работы сначала характеризуются как имеющие особое значение, а потом выясняется, что работа Лукина вообще не касается отличий и сходств упомянутых политических режимов. Почему автор решает пренебречь работами Янина, Штайндорфа и др. – остаётся загадкой; в итоге автор как будто начинает с чистого листа: «волнующие вопросы — в чем же заключались сходства и отличия политического строя Новгорода и итальянских городов-государств? И, если они были идентичны, какое значение имеет это для исторической науки? — остаются открытыми». Исходя из поставленных целей, автор прослеживает эволюцию политического устройства итальянских коммун (XI-XIV вв.) и политическое устройство Новгорода в XII-XV вв. В обоих случаях автор рационально выделяет этапы политического развития (три у итальянских коммун и два у Новгорода), опирается на средневековые хроники/летописи. Псков остается на периферии авторского интереса,

ему уделен один абзац, в котором автор формулирует псковскую специфику относительно Новгорода. В развернутой заключительной части автор обобщает результаты исследования т.е., как заявлено в названии текста, перечисляет специфические особенности политического устройства и общие закономерности политической эволюции рассмотренных городов. Главным отличием итальянских городов-государств от республик русского северо-запада автор считает правление избранных коллективом граждан магистратов в Италии, в то время как на Руси правил сам гражданский коллектив. В целом же, по мнению автора, и в Италии, и на Руси города-государства прошли одни и те же этапы эволюции, только в Италии это развитие прошло полный цикл, а в Новгороде было прервано на втором этапе по причине присоединения к Москве. Псков из этих выводов вновь выпадает. При определенной дискуссионности авторских тезисов («Политическое право эпохи средневековья — это, как и сегодня, право сильного...Сила новгородского народа была огромна. Он полностью контролировал власть в городе.. «Чернь» держала под полным контролем любую деятельность бояр и посадников», именование всей совокупности неаристократического населения республик/коммун «народом»), хотелось бы отметить, что отсутствие развернутой историографии вопроса становится проблемой именно в заключительной части, когда автор берется полемизировать с неустановленными авторами: «Широкое сравнение одновременно с множеством примеров средневековых республик показывают неправомерность утверждений об отсталости Новгородской государственности, а так же неверность обозначения Новгорода, как коммуны: термина, присущего исключительно итальянской исторической действительности». Кто именовал Новгород коммуной, кто утверждал об отсталости Новгородской государственности и является ли автор первопроходцем в заявленных тезисах - не указано. Представляется, что работа бы только выиграла от развернутого историографического обзора темы исследования, обзора источников, методологии, новизны исследования, уточнения апелляции к оппонентам. При исправлении указанных недочетов работа может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Существует ошибочное мнение о том, что для российской истории более характерна тирания, нежели демократия, и сторонники этой позиции чаще всего апеллируют к западным традициями свободомыслия. Однако, на самом деле демократические традиции Новгорода и Пскова нисколько не уступают традициям Венеции или Генуи. В этой связи вызывает важность изучение демократических традиций древнерусских и средневековых европейских городов.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются особенности политического устройства итальянских городских коммун и Великого Новгорода. Автор ставит своими задачами рассмотреть историографию политического строя итальянских коммун и Великого Новгорода, а также определить сходство и различие политико-социальной эволюции итальянских городов и Великого Новгорода.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится

охарактеризовать особенности политического устройства и закономерности эволюции республиканизма городские коммуны и Великого Новгорода.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и итальянском языках. Из привлекаемых автором источников укажем на итальянские средневековые хроники, русские летописи, труды таких корифеев исторической науки, как Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров. Из привлекаемых исследований отметим труды А.А. Вовина, П.В. Лукина, А.П. Петрова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения политического строя Великого Новгорода и итальянских городских коммун. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей демократии, в целом, так и средневековой демократией, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что сравнение «Новгородской республики с итальянскими городами-государствами обладает богатой, но сравнительно молодой историографией». В работе показано, что «отличие итальянских городов-государств от Великого Новгорода заключалось в том, что в Италии правили избранные коллективом граждан магистраты, тогда как на Руси чаще правил сам гражданский коллектив, а магистраты исполняли менее важные государственные функции». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «как итальянские республики, так и Великий Новгород прошли одни и те же этапы политико-социальной эволюции»: «Все они начали свою историю под властью монархов и их наместников, затем, после начала освободительного движения — в Италии установились коммуны, а в Новгороде восторжествовал принцип вольности во князьях».

Главным выводом статьи является то, что в Новгороде, «как и в большинстве итальянских городов-государств, две социальные группы - народ и аристократия - делили между собой власть, и ни одна сила не смогла, в конечном итоге, взять верх».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России и истории средних веков, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».